

Если бы рядом не было Цзян Мэншаня, Шэнь Чжинань был уверен, что Фэн Нянь действительно набросился бы на него с кулаками.

Интересно, если бы Фэн Нянь все же решился на это, помог бы браслет, который подарил ему Хуа Цяньшуан?

В голове Шэнь Чжинаня снова возник образ скульптуры Хуа Цяньшуана, обвивающей площадь.

Длинный черный змеинный хвост, производящий неизгладимое впечатление.

В прошлый раз, когда они спали вместе, Хуа Цяньшуан едва не пометил его, но тогда он не показал свой змеинный хвост.

Кажется, он тогда чем-то расстроил Хуа Цяньшуана.

Но Шэнь Чжинань считал, что, хотя Хуа Цяньшуан и является правителем империи, характер у него гораздо лучше, чем у Фэн Няня. Даже если он тогда его разозлил, Хуа Цяньшуан не сказал ему ни слова упрека, а наоборот, велел Цзян Мэншаню прислать два огромных сундука с драгоценностями.

Разве это похоже на его бывшего мужа, который при малейшем недовольстве начинал кричать, выливая на него всю свою злость и самые отвратительные слова?

За пять лет брака тот не подарил ему ни одного приличного украшения.

И там, и здесь любви не было, так почему же Хуа Цяньшуан оказался гораздо заботливее Фэн Няня?

Шэнь Чжинань подумал, что, возможно, дело в том, что он мешал Фэн Няню быть с Цзян Юэин.

Но теперь они в разводе, и Фэн Нянь может открыто быть с ней.

Незаметно они вернулись во дворец. Перед выходом Шэнь Чжинань, как обычно, поблагодарил Цзян Мэншаня.

Когда он уже собирался уходить, Цзян Мэншань внезапно заговорил, и его низкий голос растворился в вечерних сумерках:

— Если вы планируете встретиться с генералом Хиггсом и вам потребуется сопровождение, можете обращаться ко мне в любое время.

Шэнь Чжинань удивленно обернулся:

— Господин министр, вы ведь так заняты, не будет ли это вас беспокоить...

Занимая столь высокий пост, Фэн Нянь вечно был по горло в работе. Шэнь Чжинань не был близко знаком с Цзян Мэншанем, но предполагал, что тот тоже должен быть крайне занят.

Выражение лица Цзян Мэншаня не изменилось:

— Это приказ Его Величества. Обеспечение вашей безопасности — моя первоочередная обязанность.

Цзян Мэншань — глава Военного ведомства, человек, решающий государственные задачи. И

вот такая важная фигура назначена охранять его? Как ни крути, это было явной тратой таланта.

— Хорошо, я свяжусь с вами заранее, извините за беспокойство... — Шэнь Чжинань торопливо кивнул и собрался уходить.

Но не успел он повернуться, как Цзян Мэншань снова окликнул его:

— У вас нет моих контактов. Как вы собираетесь со мной связаться?

Шэнь Чжинань снова обернулся и увидел, что Цзян Мэншань поднял левую руку, демонстрируя коммуникационный браслет. Он подбежал к нему, поднял свое запястье, и они обменялись данными.

— Все готово. Тогда... тогда свяжемся, я пойду, спасибо, господин министр. — Шэнь Чжинань еще раз попрощался. К счастью, на этот раз Цзян Мэншань не стал его останавливать, иначе Шэнь Чжинань был готов провалиться сквозь землю от стыда.

Цзян Мэншань провожал взглядом удаляющуюся фигуру, пока стройный омега не исчез из виду, после чего закрыл люк флаера.

Комната Шэнь Чжинаня была очень просторной. Только один гардероб для одежды и украшений был размером с его бывшую спальню в резиденции генерала.

Когда он вернулся, слуги во дворце Лючиюнь уже разобрали два сундука, присланных Хуа Цяньшуаном.

Жемчуг, агат, золото, бриллианты, драгоценные камни всех цветов... Каждое изысканное и дорогое украшение было аккуратно разложено в шкатулках.

Даже семья Шэнь в свое время считалась одной из самых богатых в столице, но, глядя на это великолепие, Шэнь Чжинань не мог не восхититься. Ювелирных изделий, которые Хуа Цяньшуан прислал за один раз, было больше, чем у него было до банкротства семьи.

Тогда Шэнь Чжинань думал, что у него уже достаточно украшений, но, очевидно, они не шли ни в какое сравнение с богатствами, накопленными императором за сотни лет.

Шэнь Чжинань некоторое время в оцепенении смотрел на сияющее золото. Хуа Цяньшуан не только не рассердился, но еще и прислал ему такие дорогие подарки, да еще и поручил влиятельному Цзян Мэншаню охранять его.

И по логике, и по совести, он должен был лично поблагодарить Хуа Цяньшуана.

Шэнь Чжинань внезапно призадумался: раз он идет благодарить лично, нельзя же прийти с пустыми руками и просто сказать спасибо?

Но что подарить? Все, что он ест, носит и пьет — это подарки Хуа Цяньшуана. Дарить обратно то, что тебе дали — что это за поступок?

Шэнь Чжинань позвал Чжичжи и Вэньвэнь, чтобы узнать о предпочтениях Его Величества.

Обе служанки дружно покачали головами. О предпочтениях? Они даже самого Хуа Цяньшуана в обычной жизни почти не видели.

Шэнь Чжинань подумал и спросил:

— Где здесь кухня?

У Шэнь Чжинаня не было ничего ценного, но даже самый могущественный альфа должен есть и спать.

Он решил приготовить что-нибудь для Хуа Цяньшуана. Хотя он не знал его вкусов, он внимательно изучал досье на императора и кое-что знал о его родных краях.

По иронии судьбы, родина Хуа Цяньшуана и Фэн Няня находилась в одном и том же месте.

Неизвестно, удача это или нет, но раньше, чтобы угодить Фэн Няню, Шэнь Чжинань целый год учился кулинарному искусству. От человека, который палец о палец не ударил, он превратился в того, кто сам мыл, резал и готовил, заработав немало порезов и ожогов, пока не освоил все блюда с родины Фэн Няня.

Однако Фэн Нянь ни разу не попробовал его стряпню. Он даже при нем отдавал еду, на которую Шэнь Чжинань потратил целый день, другим слугам в резиденции генерала.

Хотя все вокруг говорили, что еда вкусная и очень аутентичная, Фэн Нянь из-за своей неприязни к нему даже не притрагивался к приготовленным блюдам.

Если бы не бережное отношение к продуктам, Фэн Нянь, вероятно, просто выбрасывал бы все в мусорное ведро.

Теперь Шэнь Чжинань был даже рад, что приобрел такой навык.

Было уже поздно. Шэнь Чжинань приготовил суп из белых грибов с леденцовым сахаром и птичьим гнездом, принял душ, надел чистую одежду, выбрал из подарков Хуа Цяньшуана жемчужное ожерелье и отправился к императору, неся десерт в руках.

С тех пор как он попал во дворец, это был первый раз, когда он сам пришел к Хуа Цяньшуану — обычно тот приходил к нему.

Шэнь Чжинань взглянул на знакомые ворота. В прошлый раз, когда он приходил в спальню Хуа Цяньшуана, он пришел, чтобы добровольно отдаться...

Щеки Шэнь Чжинаня слегка порозовели.

Весь дворец был пуст.

Ни охраны, ни слуг.

Лишь изредка бесшумно пролетали патрульные дроны. Шэнь Чжинань покосился на них: эти роботы размером с ладонь, помимо наблюдения, были оснащены системами вооружения.

Шэнь Чжинань не был уверен, можно ли ему идти дальше, но, поскольку дроны никак не реагировали на его присутствие, он продолжил путь.

Темный коридор по мере его приближения освещался, и как только он подошел к дверям дворца, две тяжелые створки медленно распахнулись.

Шэнь Чжинань собрался с духом и вошел внутрь.

В прошлый раз Хуа Цяньшуан стоял прямо за дверью.

В просторной роскошной комнате царил полумрак, лишь жемчужины, инкрустированные в стены, излучали мягкое свечение.

Ни души. Шэнь Чжинань заволновался и тихо позвал:

— Ваше Величество, вы здесь?

Круглый летающий робот размером с футбольный мяч с жужжанием подлетел к Шэнь Чжинаню:

— Ваше Величество Императрица, Император в кабинете. Пройдемте со мной.

— А, хорошо, спасибо.

— Служу вам, Ваше Величество Императрица. — Робот качнулся в воздухе и полетел вперед, ведя Шэнь Чжинаня. — Я система управления дворцом, Император назвал меня Мерфи. Если у вас возникнут вопросы, просто позовите меня по имени, Ваше Величество Императрица.

Шэнь Чжинань слегка улыбнулся:

— Хорошо, Мерфи, спасибо.

В Галактической Империи технологии развиты, роботы-дворецкие не редкость, но богатые люди и старая аристократия предпочитают нанимать людей. Во-первых, роботы лишены человечности и не так хороши в тонкостях межличностных отношений. Во-вторых, в эту эпоху труд людей стоит безумно дорого, и наемный персонал подчеркивает богатство и статус владельца.

Мерфи остановилось перед деревянной дверью, и его камера мигнула:

— Император ждет вас в кабинете. Прошу.

Дверь медленно открылась. Шэнь Чжинань ступил на мягкий ковер ручной работы и сразу увидел мужчину, сидевшего за столом.

Хуа Цяньшуан выглядел как молодой человек чуть за двадцать, но в нем чувствовалась глубина, которую не встретишь у юнцов — очарование и стать, дарованные временем.

Он был как величественные горы, как спокойный океан, как легкий ветерок.

Шэнь Чжинань тихо произнес:

— Ваше Величество, я приготовил десерт, не знаю, понравится ли он вам.

— Иди сюда. — Хуа Цяньшуан отложил ручку и устремил на Шэнь Чжинаня тяжелый взгляд.

У стройного омеги были невероятно красивые длинные ноги, обтянутые белыми брюками. На нем была шелковая рубашка в тон с пуговицами из ракушек, застегнутая до самого подбородка, что лишь подчеркивало его холодную белую кожу на шее.

На шее красовалось ожерелье из жемчуга — маленькие бусины плотно обхватывали изящную шею.

Хуа Цяньшуан снова взял ручку, потирая пальцами холодный корпус.

Шэнь Чжинань подошел к столу, наклонился, поставил суп перед Хуа Цяньшуаном и открыл крышку. Его руки нервно сцепились в замок.

Хотя он был уверен в своих кулинарных способностях, он впервые готовил для Хуа Цяньшуана и сильно волновался.

Шэнь Чжинань стоял в стороне, тайком наблюдая за ним. Хуа Цяньшуан взял ложку, зачерпнул суп и медленно проглотил.

Шэнь Чжинань снова украдкой посмотрел на его лицо, и в этот момент Хуа Цяньшуан поднял глаза.

Шэнь Чжинань испуганно опустил голову, словно перепуганный кролик.

— Иди сюда. — Хуа Цяньшуан поманил его. — Сядь ко мне на колени.

В прошлый раз, когда он сидел у него на коленях, этот на вид холодный альфа ощупал его почти везде. У Шэнь Чжинаня запылали щеки, но он послушно обошел стол и сел на колени к императору.

Мягкое объятие притянуло его к себе, спина плотно прижалась к груди мужчины. Шэнь Чжинань вздрогнул, словно от ожога — кожа Хуа Цяньшуана была очень горячей, жар просачивался даже через одежду.

Одной рукой придерживая его за талию, Хуа Цяньшуан взял ложку и поднес к губам Шэнь Чжинаня.

Тот послушно открыл рот. Сладкий суп разлился по языку.

Вкус был отличным, он не ошибся. Шэнь Чжинань подумал, что суп получился неплохим, и даже если Хуа Цяньшуану не очень нравится, то отвращения он точно не вызовет. В этот момент Хуа Цяньшуан внезапно взял его за подбородок и заставил повернуться.

Не успел он понять, что происходит, как перед глазами возникло прекрасное лицо, и Хуа Цяньшуан поцеловал его в губы.

— Закрой глаза.

Шэнь Чжинань подчинился. Внезапный поцелуй заставил сердце бешено колотиться, руки не знали, куда деться, и он вцепился в край одежды Хуа Цяньшуана.

Неизвестно, как долго длился поцелуй. Язык онемел, голова закружилась. Наконец Хуа Цяньшуан отпустил его распухшие губы, и Шэнь Чжинань, задыхаясь, припал к груди альфы.

Хуа Цяньшуан погладил его по спине, успокаивая покрасневшего омегу, и произнес нечто двусмысленное:

— Вкус очень хорош.

Что вкус хорош — суп или он сам?

Наглец!

Шэнь Чжинань мог лишь мысленно ворчать. Его идеализированное представление о Хуа Цяньшуане давно разбилось вдребезги: никакой сдержанности, при каждой встрече либо целует, либо трогает, либо... либо...

Переведя дыхание, Шэнь Чжинань опустил голову:

— Я получил украшения, Ваше Величество, спасибо.

Хуа Цяньшуан снова зачерпнул суп и поднес к его губам:

— Нравится?

— Да, но это слишком дорого и слишком много. — Шэнь Чжинань был вынужден выпить, и результат был тот же: едва он проглотил, как Хуа Цяньшуан снова заключил его в объятия и поцеловал.

— Ты мой омега, и ты обязан носить самые дорогие украшения. Давай, еще ложечку. — Хуа Цяньшуан снова потянулся к тарелке.

Хотя суп предназначался для него, в итоге Хуа Цяньшуан выпил лишь ложку, а остальное досталось Шэнь Чжинаню, причем каждый глоток сопровождался поцелуем. В конце концов у него онемели и губы, и язык.

— Ваше Величество, генерал Хиггс пригласил меня на отборочный тур Турнира боевых искусств.

— Ты хочешь пойти? — спросил Хуа Цяньшуан.

Шэнь Чжинань опустил взгляд на его руки, которые начали расстегивать его пояс, и замолчал.

На толстом ковре ручной работы валялись листы бумаги и ручка, а прочный письменный стол временами издавал жалобный скрип.

Белоснежные волосы, словно Млечный путь, стекали со стола, колыхаясь, как сияние луны в ночном небе.

Руки, вцепившиеся в край стола, побелели до такой степени, что кончики пальцев стали алыми.

Зубы дрожали, и с каждым стоном, вырывавшимся из глубины горла, жемчужные слезы катились по щекам.

Хуа Цяньшуан склонился над ним, его горячая грудь плотно прижималась к гладкой коже. Он целовал слезы на щеках омеги, и в воздухе разливался солоноватый привкус, смешанный с холодным ароматом белых роз.

Древесный аромат кедра переплетался с холодным запахом роз, их тени на стене сливались воедино.

Шэнь Чжинань лежал на холодном и твердом столе, словно белый голубь со сломанными крыльями, подставляя свою хрупкую шею под взгляд охотника, добровольно принося себя в жертву, безмолвно заявляя о своей преданности и принадлежности.

Его разум погрузился в хаос, он провалился в калейдоскоп красок, и дрожащий свет ламп наконец замер.

Он жадно хватал ртом воздух, легкие наполнялись кислородом, смешанным с густым ароматом феромонов альфы.

— М-м... — тяжелое тело навалилось сверху.

Без лишних движений они обнимались, кожа к коже, пот смешивался, а жар тел становился еще сильнее от такой близости.

Слишком жарко, до удушья.

Самая первобытная близость, не считая обмена феромонами.

Шэнь Чжинань в полузабытии подумал: между ними нет любви, только физическая связь, но сейчас это так похоже на нежность влюбленных после близости.

Хуа Цяньшуан немного полежал с ним, осыпая его лицо и плечи короткими поцелуями.

Нежное утешение расслабило его напряженное и уставшее тело. В воздухе витали мощные феромоны альфы, и под его лаской Шэнь Чжинань постепенно обмяк.

Было очень приятно, словно он погрузился в источник под названием нежность.

Неизвестно почему, Шэнь Чжинань вспомнил слова отца: искать партнера постарше — неплохая идея, они зрелые, рассудительные и знают, как о тебе позаботиться.

Если говорить о возрасте, то Хуа Цяньшуан, которому больше ста лет, в какой-то степени «старик», но он действительно умел заботиться.

— Ваше Величество? — Когда Шэнь Чжинань пришел в себя, он уже лежал в кровати Хуа Цяньшуана.

Его голова покоилась на подушке императора, а разорванная рубашка и брюки сменились ночной сорочкой...

Белая ночная сорочка, даже с кружевом.

Омеги, конечно, любят носить сорочки, но Шэнь Чжинань всегда считал, что это для хрупких маленьких омег или девушек. Он предпочитал пижамы или халаты.

Хуа Цяньшуан сидел рядом, положив ладонь на плоский живот Шэнь Чжинаня:

— Чем сильнее альфа, тем сложнее омеге забеременеть, но после полной метки вероятность зачатия значительно возрастает.

Шэнь Чжинань не понимал, к чему он это говорит, но растерянно кивнул, глядя на свой живот вслед за рукой Хуа Цяньшуана.

Неужели там когда-нибудь зародится крошечная жизнь, ребенок, принадлежащий ему и его альфе?

Вечером он был слишком утомлен и не заметил, как уснул. На следующее утро, когда он проснулся, было уже светло. Стоило ему повернуться, как рядом с ним оказалась теплая фигура.

— Проснулся? — Хуа Цяньшуан поднял прядь его волос, поцеловал ее и скомандовал: — Мерфи, пусть слуги придут помочь Императрице умыться.

Шэнь Чжинань еще не до конца проснулся и некоторое время просто смотрел на Хуа Цяньшуана.

Разве он не должен быть занят? Почему он все еще в постели, рядом с ним?

Шэнь Чжинань редко умывался, лежа в кровати, и слуги все сделали за него, пока он сидел, не опуская ног на пол.

После умывания он окончательно пришел в себя и украдкой взглянул на Хуа Цяньшуана. Альфа был в халате, не похоже, что он куда-то уходил и вернулся. Рядом лежала бумажная книга — редкость в эту эпоху. Казалось, он читал ее с самого пробуждения.

— Проголодался? — Хуа Цяньшуан приказал принести еду. На кровать поставили маленький столик. Неужели он хочет, чтобы он ел прямо здесь, не вставая?

Ему есть в постели Императора Империи?

— Ваше Величество, я лучше спущусь вниз, иначе испачкаю вашу кровать...

<http://bllate.org/book/21238/2148656>